

МАРШАЛ ДВУХ СТРАН

В декабре этого года исполняется 120 лет со дня рождения выдающегося советского полководца Константина Рокоссовского. «Историк» встретился с внуком знаменитого военачальника, полковником в отставке **Константином РОКОССОВСКИМ**

Беседовал **Олег НАЗАРОВ**

Казалось бы, судьба была к нему более чем благосклонна. Напомним, что Константин Константинович Рокоссовский (1896–1968) поставил своеобразный рекорд, став маршалом сразу двух стран: в годы войны – маршалом Советского Союза, а после войны – еще и маршалом Польши.

Впрочем, его жизнь легкой не назовешь. В ней было все – и взлеты, и падения. В 1937-м его арестовали и почти три года держали в тюрьме. В 1941-м под Вязьмой он чуть не попал в окру-

жение. Потом были четыре трудных года войны: тяжелое ранение, горечь поражений и потерь. И, конечно, радость Победы.

24 июня 1945 года дважды Герой Советского Союза, кавалер ордена «Победа», маршал Советского Союза Константин Рокоссовский командовал Парадом Победы в Москве. Принимал парад маршал Георгий Жуков...

ЗАГАДКИ БИОГРАФИИ

– По поводу места рождения вашего деда до сих пор можно встретить разночтения. Так где же появился на свет будущий маршал – в Великих Луках или в Варшаве?

– В Варшаве. Он сам об этом писал. К сожалению, документально

подтвердить это пока не удастся. Занимаясь генеалогией Рокоссовских, я нашел подтверждение времени и места рождения отца Константина Константиновича, его деда и бабушки, но не его самого. В Варшаве есть костел, где предположительно моего деда могли крестить. Но там не сохранились записи за тот период, когда это могло произойти. Его отец Ксаверий был поляком, а мать – русской. Родители рано умерли. Воспитывался мой дед в семье тетки.

– А почему в «Большой советской энциклопедии» и других справочниках местом его рождения названы Великие Луки?

– В конце Великой Отечественной войны дед стал дважды Героем Советского Союза, и ему на родине полагалось установить бронзовый бюст. Хотя социалистическая Польша была дружественной СССР страной, но ставить там бюст советскому полководцу сочли неудобным. Вспомнили, что в 60 км от Великих Лук до революции было поместье барона Рокоссовского, приходившегося дальним родственником предкам моего деда. Думаю, Великие Луки выбрали еще и потому, что в 1944 году этот город стал областным центром. Установка там бюста дважды Героя Советского Союза пришлась очень кстати: подчеркивалась значимость Великих Лук.

– Вы сказали, что отца маршала звали Ксаверий. Что заставило вашего деда поменять отчество?

– Путаница в написании. У поляков ведь отчества вообще нет. А для русского уха отчество Ксаверьевич весьма непривычно. В документах его часто коверкали, называя деда то Константином Савельевичем, то Константином Васильевичем, то еще как-то. Деду это надоело, и когда он вступал в Красную армию, то взял себе другое отчество: Константинович.

– В каком возрасте он определился в выборе жизненного пути?

– Когда ему задавали такой вопрос, он отвечал, что с детства бредил воен-

ным делом, читал книги о войне. По воспоминаниям родственников, дед с ранних лет любил военные игры. А потом началась Первая мировая, и он пошел воевать. По-видимому, карьера военного – это его призвание.

ИСПЫТАНИЯ НА ПРОЧНОСТЬ

– Карьера Рокоссовского – цепь испытаний. В 1930-е годы ваш дед был репрессирован. В чем его обвиняли? Какой срок он получил?

– Ознакомиться с материалами его уголовного дела нам с братом, к сожалению, не удалось: в хрущевские времена оно было уничтожено. Арестовали деда в августе 1937 года – через два месяца после процесса над маршалом Михаилом Тухачевским и другими известными военачальниками. Дед тогда служил в Пскове. Его отправили в Ленинград, где посадили в знаменитую тюрьму «Кресты». Оттуда возили на допросы в Москву. Обвинение выдвинули стандартное: участие в военно-фашистском троцкистском заговоре. Кроме того, его, как поляка, обвинили в шпионаже в пользу Польши, а еще в работе на японцев – ранее он служил на Дальнем Востоке.

Имя Рокоссовского среди прочих имен во время допроса назвал комкор Касьян Чайковский. Показания против деда дал и некто Юшкевич. Следователи почему-то решили, что это был поляк Юшкевич, который

воевал вместе с дедом в Гражданскую. Однако тот погиб в Крыму еще в 1920 году. Дед пообещал подписать все, в чем его обвиняли, но только после очной ставки с Юшкевичем. Пока следователи выясняли, тот ли это Юшкевич, ситуация изменилась: Николая Ежова сняли, наркомом внутренних дел СССР стал Лаврентий Берия. В итоге деда так и не судили. Весной 1940 года, когда его освободили, он по-прежнему числился подследственным. И меня удивляют «свидетельства» людей, якобы видевших моего деда перед войной в Воркутинском и других лагерях. Он там не был.

– После его освобождения минуло чуть больше года, и началась война...

– Войну дед встретил в должности командира 9-го механизированного корпуса. 22 июня дежурный офицер принес ему телефонограмму из штаба 5-й армии: вскрыть особо секретный оперативный пакет. Однако сделать это можно было только по распоряжению председателя Совнаркома СССР или народного комиссара обороны. А связь уже была немцами

К.К. Рокоссовский с женой и дочерью. 1943 год

нарушена. Тогда дед под свою ответственность вскрыл пакет. В нем содержалась директива: немедленно привести корпус в боевую готовность и двинуться в направлении Ровно – Луцк – Ковель. А поскольку корпус не был укомплектован машинами, дед забрал из окружного резерва в Шепетовке все машины. Но не хватало и горючего. Тогда он приказал вскрыть расположенные поблизости центральные склады. Позже дед вспоминал, что в первый день войны написал больше расписок, чем за много предыдущих лет.

– В книге «Солдатский долг» Рокоссовский признал, что для советских военачальников война стала суровой школой. Чему она научила его самого?

– Как показали поражения первых месяцев войны, в 1941 году на многих командных должностях находились люди, которые до них еще не созрели. Им не хватало опыта и знаний. Это имело тяжелые последствия, что дед признавал. Он сам с большим трудом выскользнул из «котла» под Вязьмой. Уроки 1941 года его многому научили. В 1944 году дед использовал полученный опыт в наступательных операциях в Белоруссии и Польше.

УРОКИ 1941 ГОДА РОКОССОВСКОГО МНОГОМУ НАУЧИЛИ. ПОТОМ ОН ИСПОЛЬЗОВАЛ ПОЛУЧЕННЫЙ ОПЫТ В НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЯХ В БЕЛОРУССИИ И ПОЛЬШЕ

Командующий войсками Донского фронта генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский в районе Сталинграда. 1942 год

– В ноябре 1941 года командующий Западным фронтом Жуков запретил Рокоссовскому отводить войска. Тогда Рокоссовский через голову Жукова обратился к начальнику Генерального штаба РККА Борису Шапошникову. Жуков был разгневан...

– Со стороны деда это являлось нарушением субординации. Но его поступок был вызван чрезвычайными обстоятельствами. Он считал, что на рубеже Истринского водохранилища будет лучше держать оборону. Кроме того, Жуков, человек резкий, говорил с ним в таком тоне, терпеть который дед не желал, о чем прямо сказал командующему Западным фронтом. Кончилось тем, что Жуков позвонил деду и извинился перед ним. Хотя обстановка в ноябре 1941 года под Москвой была такой, что и Жукова можно понять. А вообще-то стиль командования войсками и общения с подчиненными у Жукова и Рокоссовского всегда был разным.

– **Ведь и ваша мама воевала?**

– Мама училась на курсах радистов при Центральном штабе партизанского движения (ЦШПД). Однажды, решив навестить своего отца, приехала в штаб его фронта. А дед как раз собирался ехать на передовую. Мама уговорила взять ее с собой. И надо же было такому случиться, что в дороге их машину начали бомбить. Все выскочили и спрятались на обочине. Мама засуетилась, упала. Дед выбежал из укрытия и накрыл ее своим телом. Они встали только после прекращения бомбежки. Охрана деда была шокирована.

Когда мама окончила курсы радистов, то всех, кто с нею обучался, забросили в тыл врага. А ее оставили радисткой при ЦШПД. Ведь попади она в плен, немцы могли бы сыграть на нервах моего деда. Можно вспомнить, например, трагическую судьбу старшего сына Сталина...

– **А как ваш дед относился к самому Сталину?**

– Сталин был для деда прежде всего начальником, и начальником хорошим. Между ними было взаимное уважение. Дед на похоронах Сталина плакал, и, как мне кажется, не от излишней сентиментальности. Я думаю, просто он понимал, кто

Генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский (в центре) с офицерами на командном пункте 16-й армии. Декабрь 1941 года

идет вслед Сталину, догадывался, что за этим последует. Действительно, в высшем партийном руководстве началась грызня. XX съезд КПСС, события в Венгрии и Польше, собственная судьба маршала Рокоссовского – вот последствия этого печального факта. Дед, безусловно, не был сталинистом, каким его некоторые сегодня рисуют. Просто масштаб личности Сталина, особенно в сравнении с его преемниками, видимо, особым образом действовал на него, заставляя помнить то хорошее и доброе, что было во время войны, и не придавать большого значения драме, которую ему довелось пережить в довоенные годы.

– **Рокоссовский командовал Парадом Победы. Какие воспоминания об этом сохранились в семье?**

– По рассказам родственников знаю, что в этот день был сильный дождь. Чтобы снять с деда насквозь промокший парадный мундир, его пришлось распороть сзади по шву. Пришли сослуживцы деда, с которыми он отметил это знаменательное событие.

– **Ваш дед дружил с генералом Константином Телегиным. С кем-то еще из военачальников он был близок?**

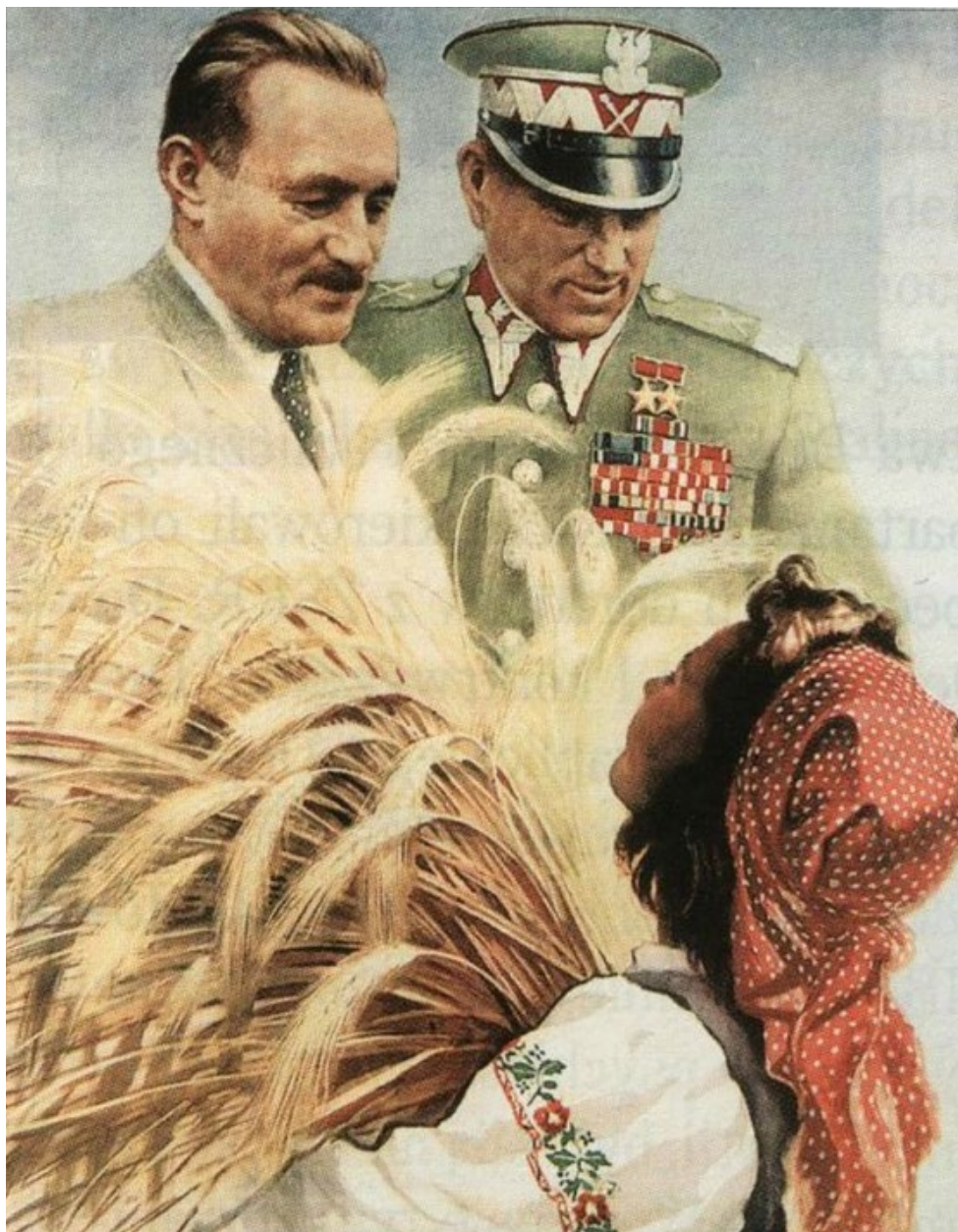
– Дед был дружен с теми, с кем вместе воевал. Дружил и переписывался с генералом армии Павлом Батовым, с которым потом еще и породнился: дочь Батова от первого брака вышла

замуж за брата моего отца. Были близки с дедом маршал артиллерии Василий Казаков и генерал-полковник танковых войск Григорий Орёл.

– **Завершая военную тему, не могу не спросить о фильме «Звезда эпохи», одной из сюжетных линий которого стал роман Рокоссовского с актрисой Валентиной Серовой...**

– Такого романа в биографии деда не было. 8 марта 1942 года дед получил ранение: были повреждены легкое и позвоночник. Он лежал в госпитале, куда с концертом для раненых и приехала Валентина Серова. Так они познакомились. Серова пригласила деда в Большой театр – когда он пойдет на поправку. Как рассказывал мне шофер деда Сергей Иванович Мозжухин, в театр они ездили. Серова сидела с дедом в одной ложе, и театральная публика их видела. Попшли слухи, а злые языки страшнее пистолета. На самом же деле после спектакля Мозжухин отвез еще не выздоровевшего деда обратно в госпиталь. А когда тот вернулся на фронт, ему стали приходить письма от Серовой. Дед их даже не распечатывал. Вот и весь «роман».

Когда режиссер Юрий Кара стал снимать свою «Звезду эпохи», моя дочь Ариадна и дочь Серовой Мария Кирилловна добились того, чтобы фамилии главных действующих лиц были изменены. Эта кинокартина мне, мягко говоря, несимпатична.

Плакат социалистической Польши. Министр национальной обороны Константин Рокоссовский и руководитель Польши Болеслав Берут. 1950-е годы

МИНИСТР ОБОРОНЫ ПОЛЬШИ

– Какое место в жизни вашего деда занимала Польша?

– Польша была его родиной, он считал себя поляком. Когда поляки прилетали в Москву и начинали говорить с ним по-русски, он предлагал перейти на польский язык.

– Рокоссовский был министром национальной обороны и заместителем председателя Совета министров Польши. С этих постов его сняли вскоре после XX съезда КПСС. Почему? С каким чувством он покинул Польшу?

– С тяжелым чувством. Хотя он и в Варшаву в 1949 году ехал с тяже-

лым чувством. Ехать, правда, было недалеко: с июня 1945 года дед командовал Северной группой советских войск, которая размещалась на территории Польши. На этом его назначении настоял руководитель Польши Болеслав Берут, с которым у деда были прекрасные отношения. Однако в польском руководстве в послевоенные годы шла борьба за власть между сторонниками Берута и Владислава Гомулки. Берут, решая свои задачи, в лице деда получил талантливое военачальника и популярного в Польше человека. В марте 1956 года Берут умер, и к власти пришел Гомулка. Он-то и добился изгнания деда из Польши. Позже Гомулка прилетал в Москву. Но

дед, вопреки требованию Никиты Хрущева, не пошел на устроенный по этому поводу прием.

– Поскольку вы бываете в Польше, то должны знать: как сегодня поляки относятся к Рокоссовскому?

– Нормальные поляки относятся к нему нормально. Люди старшего поколения симпатизируют ему и сожалеют о том, что в 1956 году с ним поступили так некрасиво. Что же касается польской политической элиты, то она проводит линию, направленную против всего русского и всего советского. Их негативное отношение к моему деду является политически мотивированным.

– Должно быть, маршалу Польши Рокоссовскому и в страшном сне не могло присниться, что на его родине будут сносить памятники советским воинам-освободителям?

– Конечно. Хотя здесь шире надо взглянуть. Моему деду в страшном сне не могли присниться и распад Советского Союза, и то, что происходило у нас в стране после этого. Ведь он был идейным борцом за социализм. В 1991 году в одночасье рухнуло то дело, которому он честно служил всю свою жизнь.

Снос памятников – это мерзость. Но опять же мерзость политически мотивированная. В Польше во многих местах десятилетиями стоят монументы нашим воинам. Местным жителям они не мешали и не мешают. Однако откуда-то вдруг появляется «летучий отряд», который обливает памятник краской, и в СМИ возникают призывы его снести. Что, к сожалению, нередко и происходит.

ТОЛЕРАНТНЫЙ ДЕД

– Каким дедом был Константин Константинович? Как он вас называл?

– Называл он меня Котей. Мы были в очень хороших отношениях. Дед меня любил. А еще больше любил моего младшего брата Павла, который тогда был совсем маленьким. В 1956-м, когда дед вернулся из Польши, мне было четыре года. С тех пор и до его смерти в 1968 году мы жили в одной квартире на улице Грановского [ныне Романов переулок. – «Историк»]. Коридоры там были большими. Ко мне и к брату приходили друзья, и мы прямо в коридоре играли в футбол и хок-

кей. Дед относился к этим детским играм с пониманием, никогда нас не гонял. Человеком он был толерантным. Лишь иногда через маму передавал просьбу вести себя потише.

Когда я учился в начальных классах, дед, ходивший на работу пешком, по пути отводил меня в школу. На даче мы с ним ходили за грибами. Он в лесу великолепно ориентировался. Играл со мной и моим другом Сапшей Леоновым в войнушку: то он нас искал, то мы его. Помню, как дед нас обхитрил: повесил свою кепку на куст, а сам спрятался в другом месте. А мы, посчитав, что он там, где его кепка, поползли к ней. Вдруг дед сзади выходит, палку на нас наставляет: «Бах, бах, вы убиты. Но ползли вы хорошо».

– Какие качества, присущие профессии военного, нашли отражение в его характере?

– Мне трудно сказать, какие именно. В детстве мне казалась странной такая его манера. Каждый дед старается лично воспитывать внуков, а он сам делал мне замечания очень редко. Однажды был случай, что, прибежав с улицы, я в кедах завалился на диван. Дед увидел и сказал: «Нужно быстро снимите!» Но, как правило, он делал замечания через маму. То есть и здесь соблюдал военную субординацию. Кто у детей «командиры»? Родители. Помню, несколько раз меня строго наказали, и я знал, что это произошло с его подачи, поскольку другим членам семьи ничего о тех моих проступках не было известно.

– Повлиял ли дед на выбор вами будущей профессии?

– Он очень не хотел, чтобы мы с братом были военными. Прямо говорил об этом маме, которая, наоборот, этого хотела. В результате уже после смерти деда я окончил МАИ. Будучи по профессии инженером, я занимался технической поддержкой космической медицины. Дослужился до звания полковника.

– В чем вы похожи на знаменитого деда? Какие качества от него унаследовали?

– Расскажу такой случай. В 1983 году я в звании капитана побывал в Польше. Познакомился с генералом Франтишеком Цимбаревичем, который раньше служил генерал-квартирмей-

РОКОССОВСКИЙ ПОСТАВИЛ СВОЕОБРАЗНЫЙ РЕКОРД, СТАВ МАРШАЛОМ СРАЗУ ДВУХ СТРАН: В ГОДЫ ВОЙНЫ – МАРШАЛОМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, А ПОСЛЕ ВОЙНЫ – ЕЩЕ И МАРШАЛОМ ПОЛЬШИ

стером Войска Польского. Во время прощального обеда некоторые польские военные говорили мне, что я внешне похож на деда. А Цимбаревич, заметив, что внешне я похож на него лишь ростом, вдруг добавил: «Я с тобой общаюсь, как будто с дедом твоим говорю». Наверное, я унаследовал какие-то внутренние его черты.

– Часто ли ваш дед выступал перед школьниками и студентами?

– Он был не публичный человек. Когда на Красной площади случа-

лись парады, дед, как правило, стоял во втором ряду, вперед не высывывался. И выступать он особо не любил. Но, судя по наличию у нас в музее некоторого количества потертых пионерских галстуков, дед не отказывался, если его приглашали в школы. Точно помню, что он выступал в школе в подмосковной Ивантеевке.

– Какие увлечения у него были?

– Он очень любил рыбалку. Где бы ни служил, везде старался выбрать момент для рыбной ловли. Даже когда его отправили в командировку в Монголию, дед и там успел порыбачить на горной реке. У меня есть зафиксированная это фотография. Мы с ним не раз ходили ловить рыбу на водохранилище у деревни Окулово. У деда там была своя лодка. Ловил он помногу, в основном окуней и плотву.

А еще дед был страстным охотником. Относился к охоте очень серьезно. Перед охотой ходил с ружьем по даче, вскидывал его и целился – вспоминал движения. Меня на охоту с собой не брал. А вот его охотничьи истории слушать мне довелось. Запомнился рассказ деда о том, как в Польше кабан загнал его на дерево и пришлось провести там некоторое время, ожидая, когда кабан уйдет. Отец рассказывал, что дед никогда не стрелял в сидящих птиц. Чтобы птицы взлетели, он вставал во весь рост и махал кепкой. Только после того, как утка взлетала, дед стрелял. У него был спортивный азарт. Главное – сам процесс, а не стремление обязательно добыть охотничий трофей.

– А подарки он вам делал?

– Помню три его подарка. Однажды дед подарил мне духовое ружье, чтобы я упражнялся в стрельбе. Другим подарком была гитара. А самый дорогой подарок, который я берегу до сих пор, – сабля с Парада Победы. Он подарил мне ее за год до смерти, в 1967 году, когда мне исполнилось 15 лет. Велел, чтобы я ее берег. И как вы думаете, что я сразу сделал? Собрал на даче друзей, и мы стали рубить налево и направо все, что нам под руку попадалось! Когда дед это увидел, тотчас забрал у меня саблю, поставил ее в шкаф и строго сказал: «Возьмешь, когда поумнеешь». Позже музейщики не раз ее у меня просили. Но сабля по-прежнему со мной. ■